

Сергей Кузнецов
Аннор Торалик

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
К59

Кузнецов, Сергей

К59 Нет / Сергей Кузнецов, Линор Горалик. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-106067-1

В мире, где главный враг творчества — политкорректность, а чужие эмоции — ходовой товар, где важнейшим из искусств является порнография, а художественная гимнастика ушла в подполье, где тело взрослого человека при желании модифицируется хоть в маленького ребенка, хоть в большого крота, в мире образца 2060 года, жестоком и безумном не менее и не более, чем мир сегодняшний, наступает закат золотого века. Деятели индустрии, навсегда уничтожившей кино, проживают свою, казалось бы, экстравагантную повседневность — и она, как любая повседневность, оборачивается адом. Творчество обесценивается, человеческая жизнь хрупка, и невозможно отмахнуться от ужаса бытия.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-106067-1

© Сергей Кузнецов, текст
© Линор Горалик, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Сергей Кузнецов посвящает эту книгу своему брату,
который понимает его лучше других.*

Глава 1

Вдруг сдавило горло, больно и неприятно, мягким и мохнатым хлопнуло по лицу; сердце прыгнуло и упало, мелькнуло: «Будешь знать...» — но тут же взгляд поймал ярко-рыжую кисточку на конце хвоста, знакомое порывание нежно вплыло в ухо:

— Арчи, ты псих!

Смеется — очень красивый, очень выигрышного цвета — даже в этом жутком неоне оранжевая шкурка остается режущее-яркой, полосы кажутся глубже; чувственно дышат широкие черные ноздри. Вдруг подумала: может, одного Арчи мне и хватит на сегодня, если он тут без какой-нибудь девахи, может, повторить прежние забавы? — вспомнила, как он осторожно ловил клыками ее палец, потеплела.

— Вупи-Вупи, конечно, я псих! Я самый клевый псих! — играет хвостом, щекочет ее ухо. — Расскажи мне скорей про жизнь.

Сует в руку свой наполовину выпитый коктейльчик, смотрит желтыми глазами. Что рассказать про жизнь? Вечер разговенья, вполне понятная жизнь в такие вечера, даже для тех, кто, как она, не постится и не ждет первой звезды, чтобы с наслаждением наестся до отвала, вклю-

чить какую-нибудь передачку, сладко потискаться. Для тех, кто не постится, да еще и живет один, да еще и имеет, ну, скажем так, не самые простые вкусы, это не слишком приятный вечер, вечер разговенья. Хотела рано лечь спать и рано же завтра выйти на работу, хоть что-то успеть, потому что вдруг настоящее стало проскальзывать в прошлое, как вот этот желток — в горло: начнешь разбирать почту — уже стемнело. Хотела посидеть в ванне и лечь спать, но за стеной звякают вилками соседи, радостно вопит ребенок — включили телевизор? дали бутерброд с долгожданной колбасой? — тошно, тошно. Вот, Арчи, собралась, пришла — так, потусоваться, увидеть знакомые рожи. Здесь много знакомых рож, раз в месяц или чаще заскочишь сюда на часок-другой, уйдешь расслабленной, иногда еще с каким-нибудь милым тигрусом, котусом — теплая лапа на плече, в такси осторожные когти пощипывают тонкую человеческую кожу, утром вычесываешь из пледа клочки посторонней индийскому кашемиру синтетической звериной шерсти, умиляешься ей, как детскому волосу на мужской рубашке.

Арчи, видимо, понял уже, что особого разговора не будет. Гладит по головке тяжелой лапой, осторожно отводит волосы за ухо длинным когтем.

— Тошно?

Недаром психиатр по профессии, что ему объяснять-то. Несколько раз они приезжали к ней или к нему — с тех пор, как опять развелся, — из «Микки-Мауса», ласкались нежно. Вупи до сих пор испытывает к Арчи смешную благодарность — ее первый морф, познакомились совсем случайно, на какой-то профессиональной выставке, она бегала вдоль стенда фирмы уже под конец экспозиционного дня, распихивала по коробкам залежавшиеся образцы, он досматривал выставленные на полуразобранных стендах чудеса биопсихической индустрии. Поздоровал-

ся, накрыл руку лапой — и все, через час уже лежала на заднем сиденье его синей красотки, цеплялась побелевшими пальцами за гладкую мохнатую холку, истекала соком от запаха шерсти и скольжения шершавого языка. Школьницей еще мечтала о зооморфе, представляла себе обрывками: член, медленно выскальзывающийся из мохнатого короткого чехла, проблеск тонких зубов на умном лице, загнутый коготь, полумесяцем лежащий вокруг соска, нежно объезжающий полукругом: туда-сюда, туда-сюда, оставляя намек на кровавую царапину, которая появилась бы на соске, не будь этой нежности, этой теплой игры. Про себя называла их «зверики», но слова этого стеснялась и брезговала случайными знакомыми, предпочитала или уж не зооморфов совсем, или уж настоящего — не пижона, на три месяца наращивающего себе два бледных клыка, и не модную дурочку с оленьим разрезом глаз при лысом человеческом тельце с морфированной длинной и острой грудкой, а вот такого, как Арчи, — тигруса, левуса, зубруса, но лишь бы весь в меху и действительно похож на человека-медведя из давней сказки — умного, нежного, сладко и пахуче мохнатого, большелопого, круглоглазого.

Арчи был женат, да ей и не хотелось никаких любовей — хорошо жила, была работа, были деньги, хватало развлечений и без того. Но уж после Арчи — не сразу поняла, кстати, а месяца через три — ни разу не подпустила к себе никого гладкокожего; и только иногда увозила к себе из «Мауса» девочку или мальчика, кисуса или зебруса, отзывалась на их звериный зов, иногда записывала на бионы эти игры в «Королеву Джунглей», как сама их называла стыдливо (ни за что, никогда не сказала бы вслух). Вообще сеты, бионы плюс видео — ничего себе у нее коллекция, хоть и весьма узкого профиля; в последний год даже перестала стыдиться, что продавцы в привокзальных

полуподпольных лавках (вот страна; трахать морфа можно, смотреть нельзя) ее узнают, предлагают новенькое: то «Зимовье зверей» (есть опция купить в сете с вижуалом только бион девочки-неморфа — заботятся о зрителе), то «Кошачья свадьба» (плохой бион, вялый, кажется, просто низкого качества запись, но очень красивый вижуал, одна девочка даже с подушечками на лапах — как она ими ест? Или в самом деле — одно молочко лакает?). Сегодня вечером можно было выбрать какой-нибудь из этих сетов, поваляться пару часов с ним и с мягким виброустройством (мохнатое основание, как кармашек, трогательный подарок не в теме находящейся, но уважающей чужие вкусы неблизкой подруги). Но разговорение, стук соседских вилок, детский визг, первая звезда висит низко, стучит по макушке: «Тошно? Тошно? Тошно?» — здравствуй, клуб «Микки-Маус».

Арчи лижет осторожно ее ухо и вдруг, отстранясь, говорит:

— У моей первой жены были такие прекрасные, знаешь, большие серебристые уши. Мы ей сделали их в Торонто... Там, знаешь, клиника такая, специалисты по морфам под сибирского пушного зверя. Сделали ее такой... Такооооой...

— Горностаи?

— Песец.

Это ничего, да.

— Где она сейчас?

— Замужем.

Ай да разговор под разговорень. Арчи и сам это чувствует, легонько толкает ее бедром раз, и два, и три, — высокий, красивый:

— Ой, Вупи-Вупи, была бы ты моей киской, я бы показал тебе еще и не такие места!

— Киской — киской или киской — «киской»?

Смешно; смеются оба. Она не хочет быть киской, кисусом; и белкусом, и антилопусом не хочет, хотя комплекция позволяет, да, морф бы смотрелся красиво, бедра, талия — все подходит вполне. Красивое, но ничье. Ничейная Королева Джунглей. Впрочем, счастлива.

Арчи явно готов увезти ее с собой или с ней ехать, но сегодня, ох, не вечер для встречи двух одиночеств, можно и до слезок договориться друг с другом о всяких, кто замужем или вообще сгинул на Западном побережье неизвестно почему.

— Нет, — говорит Вупи, — ты прости, слушай, я хочу просто тупо снять кого-нибудь и уехать. А то мы с тобой два сапога пара, договоримся до воя.

Не дурак, понимает — и сам, видимо, того же боится. Гладит по плечу, говорит: «Я тут» — и сваливает куда-то, кисточка мелькает огоньком среди мохнатых и не мохнатых ног и исчезает в неоновой мгле. Вупи пробирается к стойке сквозь меховые запахи, короткошерстные прикосновения, поблескивание неморфных тел вроде ее собственного — заказать густой и очень крепкий ликер, раз, еще раз, — что-что, а уже не тошно, весело даже. Много знакомых морд, хоть и не всех знаешь по именам; вон та девочка-клубочком — шуршит чешуей, помавает раздвоенным языком, — можно бы даже к ней подкатиться, как раз сейчас хочется нового, может, даже и не шерсть, может, вот эта теплая и сухая змеиная шкурка? — но рядом сидит толстое существо, раздувает на огромном загривке очковую трепещущую красоту — муж? друг?.. Кто-то еще только что был замечен краем глаза — кто-то, с кем однажды явно была хорошо знакома, что-то вспоминается — только шерсть, без модификаций, человеческие ногти на изящной полосатой руке, — а, да, помню, нет, не хочу. В затылок кто-то дышит — а?

— Можно я не буду никаких банальных фраз говорить? Вы мне просто очень нравитесь. Пустите рядом посидеть?

Морф легкий, изящный: лицо чистое, руки тоже, но к тяжелым кистям сбегает очень гладкая, очень короткая шерсть, широкий хвост овалом виден в прорезе джинсов, когда залезает на табурет, сам крепкий и едва ли не ниже Вупи ростом, белые зубы —

— Бобрик?

Улыбается.

— Бобрус, да. Но за «бобрика» спасибо, хорошее слово. Меня так мама зовет.

— Ей нравится? — имеется в виду шкурка, и он понимает, конечно.

— Она не против. Я хороший сын — и без шкурки был, и со шкуркой остался.

Через час в такси Вупи отдергивает руку от гладкой шеи — оказалась негладкой, что-то острое, так и палец порезать можно. Он наклоняет голову, смотрит искоса, по-птичьему, тычет себе в шею пальцем:

— Жабры.

С ума сойти — зачем бобру-то жабры?

— Да ведь бобром потом уже стал — так, для удовольствия; а жабры были — сразу и для дела.

Оказывается, ныряльщик, с аквалангом нырял, работа такая. Сделал жабры — сразу стало легче, можно баллоны не таскать и костюм облегченный. А потом один мальчик рассказал, тюленис, что с шерстью правильной — ну, водолавающего — под водой прикольно. Долго сомневался, потом рискнул. Оказалось — ай-йя!

— А ты любишь именно зоусов?

Ох, да замолчи ты. Целоваться, оказывается, что с жабрами, что без жабр; ну и ванна у этого мальчика, полквартиры, ты что, и тут ныряешь?

Смотрит хитро.

— Ты любишь, когда тебе языком делают?

Люблю.

— А под водой?

Ох.

Опустошает в поднимающийся над водой пар какие-то бутылочки — сразу пахнет йодом, солью, рыбой; пока Вупи вылазит из тесных белых штанов, отклеивает от груди силиконовый топ — он убегает и прибегает, катает в пальцах два биона: молочно-белый и радужный, полосатый; полосатый кладет на запястье, тычет в кнопку — шарика нет, и только отблескивает радужно-полосатым светом маленькое блестящее пятно на гладкой шерсти. Выдыхает резко, сияет глазами:

— Возьми второй. Специально в Карибском море нырял, записывал. Ну?

Плюхается в воду, подныривает, сверкает сплошной коркой намокшей шерсти.

Видно, как жабры приоткрываются в зеленоватом мареве.

Теплая вода, хорошие руки. Молочно-белый шарик — ключик к заколдованной крошечной дверке; хорош ли окажется вождеденный волшебный садик? Пальцем в кнопку — аааахх, хорош, хорош, — зелено в глазах, на коже колышется соленая вода, плавают тени, что-то скользит по руке — рыбка?

Бион аккуратно передает восторг чужого тела, очень сильного, очень водного, передает трепетание жабр на шее, пузырьки в горле, мягкое объятие защитных очков на висках. Королева Джунглей в воде прибрежного залива гладит ласковое тело с топорщащейся под водой короткой шерсткой; пошло, фу — но... но...

Язык раздвигает складки плоти, касается ноющего от возбуждения клитора, бедра покалывают острые края

жабр, — ааааххх, въехать пальцами в его волосы, колышущиеся под водой, как водоросли, сжать кулак, царапнув ногтем крутой лоб, зануть от удовольствия — горячие волны по плечам, горячие волны по телу.

Не оставил ни номера своего комма, ни имени. Через пару дней даже сама позвонила Арчи — ты не знаешь, в «Маусе» был бобрус такой, молоденький мальчик, гладколапый? — не знает. Ну, не страшно, хотя приятно было бы повторить. Еще через неделю предложили в киоске «Игры в прибор» — правда, бион только морфа, но зато, знаете, очень необычный, и вижуал тоже красивый; бион наденьте-попробуйте — хлоп: с первых же секунд — морской запах, под коленом — гладкое дно огромной ванны, языком раздвигаешь складки плоти, дотягиваешься до терпкого от воды полного клитора; ощутимо вздрагивает чужое тело, в качаемые водой волосы вцепляется женская рука, ногтем проезжаясь по лбу: черт!

Продавец глядит с насмешкой: хотите и вижуал посмотреть? Узнал, узнал.

На обложке сета твое лицо, запрокинутое на край этого чертова корыта.

Скотский бобр.

Попалась.

Глава 2

Внезапно перестал теснить пиджак, манжеты словно растворились в поту, пересох язык; ярко-синяя фосфоресцирующая молния летит, летит, сверкая, над полутемной площадкой, целя острием в невидимое смертным небо, ярко-синий фосфоресцирующий шар бешено катится за ней низом, низом — и, как всегда, когда понимаешь, что

вот сейчас, сейчас все решится, — видишь происходящее медленно и так детально, что хочется закрыть глаза — невыносимо, слишком ярко и слишком страшно. Нет уже ни пиджака, ни тугих манжет, ни пропотевшего насквозь за последние тридцать секунд воротничка ну очень неплохой рубашки, а только с испариной выступают на лоб азарт и ужас, и ты сам невольно втягиваешь голову в плечи, поджимаешь локти, сгибаешься едва не вдвое и готов немедленно покатиться в сопереживательном экстазе — слава богу, плотная толпа едва дает не то что покатиться — ногами переступить. Внутри тикает метроном, сводит живот, и только следишь в адской прозрачной тишине подпольного ринга, как медленно склоняет молния свое острие — оппа! — и тут время, как полоумное, начинает нестись вскачь, а шар все катится, катится, а молния все ниже, ниже, и ясно уже, что ты все проиграешь сегодня, все спустишь тут до нитки, до исподнего, голым уйдешь отсюда — потому что не остается времени на пируэт, не остается ни доли секунды, не остается... Шар превращается в струну, струна взлетает в воздух, переворачивается раз, и два, и три, крошечная голая ножка вбивается в ковровое покрытие площадки, другая пикой взмывает вверх, в дугу сгибается спина, прилизанная детская головка едва не касается ковра тугим узлом волос на хрупком затылке, и уже у пола полупрозрачная ручка железным захватом ловит приземляющуюся синюю ленту, успевая пустить в липкий от напряжения воздух восхитительную длинную спираль. Аккорд, аккорд. Все.

Рев наваливается таким страшным комом, что опять вминает в тело и пиджак, и рубашку, немедленно ставшую стокилограммовой, и галстук, затянувшийся удавкой. На табло горят списки выигрышей, у тебя сегодня будет повод хорошо расслабиться в номере — молодец, мальчик, молодец, Волчек. Молодец, но бредешь через толпу на ватных